

САША ЗОРИ

РУССКАЯ КУХНЯ ВИПАССАНЫ

философское эссе

Саша Зори

РУССКАЯ КУХНЯ ВИПАССАНЫ

«Автор»

2026

Зори С.

РУССКАЯ КУХНЯ ВИПАССАНЫ / С. Зори — «Автор», 2026

РУССКАЯ КУХНЯ ВИПАССАНЫЭссе, написанное в форме внутреннего монолога-исповеди, погружает читателя в опыт автора, прошедшего курс медитации випассана в подмосковном центре и вернувшегося туда спустя год — уже в качестве волонтера-служащего на кухне. Стоя у огромной мойки с грязной посудой, автор ведёт рефлексивный диалог с самим собой, превращая рутинный труд в точку опоры для философского разбора собственного эго, жалости к себе и иллюзий просветления. Центральная мысль эссе — не в описании техники медитации, а в исследовании того, что происходит с человеком, когда он впервые видит своё ложное «я» во всей его красе. Когда эго, лишённое опоры, восстаёт, разбивая тарелки и ища виноватых вокруг. И когда единственным выходом остаётся не борьба, а честное наблюдение — за тем, как жалость к себе рождает конфликт, как конфликт маскируется под праведность, и как подлинное творчество начинается там, где заканчивается попытка казаться.

© Зори С., 2026

© Автор, 2026

Саша Зори

РУССКАЯ КУХНЯ ВИПАССАНЫ

...17.08.2019

РУССКАЯ КУХНЯ ВИПАССАНЫ

Существует тут такое чувство: примерно на второй день — а если точнее, то именно на второй, — ты начинаешь замечать самые неистовые пробуждения чего-то очень странного. Оно до боли явно связано с тем, что можно назвать бессилием перед собственным невежеством по отношению к окружающему пространству. Это состояние погружает тебя в бездну обиды и скорби за самого себя, за тварь трепещущую, стоящую в полном бессилии и пытающуюся понять: что стоит за этой обидой? За что ты обижен? На кого?

Ты стоишь, сжимаясь внутри. Уже чувствуешь старого, знакомого предвестника — тот самый пресловутый комок, подступающий к горлу. Это сигнал, торопящий тебя положить этому конец. Ощущение проникает сознание: всё это не нужно тебе, вредно. А всё, что происходит вокруг, кажется лишним, чуждым и ненастоящим для того, кто привык ориентироваться лишь в мире, где звучало слово «любовь».

Так, постепенно, оказавшись тут — в центре всего этого хаоса, — ты начинаешь понимать: начинается выход, спуск в неисчерпаемые глубины собственного самолюбия. Всё, что происходит со мной прямо сейчас, в этот всем известный, но лично переживаемый Второй день, похоже на смесь тяжелых, агрессивных чувств и гнетущих ощущений. Они рождаются из крушения немыслимых заблуждений, заполняя собой пространство и оголяя твой субъект до полного ничтожества.

Ты воплощаешь явление слабого и озлобленного существа, которое пока лишь искусственно проявляется в реальности, оборачивая весь мир против себя. Это тот самый, когда-то готовый «харкать кровью ради успеха», теперь растворился в простом давлении, сдавливающем каждую фибру тела. Это то, что упорно бьётся изнутри о стенки давно треснувшего сосуда, сдавленного жалостью к себе. Теперь это ощущается физически: напряжение пронизывает каждую клетку организма.

Но затем в воздухе начинают звенеть осколки: восставшее царство эго, ума и физической оболочки рушится. Как царь своей земли, ты теряешь власть над собственным разумом. Тебе становится странным и даже необходимым узнать, кто и что делал в тот момент, пока ты механически перемыл посуду для сотни человек. И вот, глядя на всё это издалека, стоя у мойки, ты внезапно забываешь, где находишься, и сам спрашивает себя: «Что я тут делаю?»

Тело реагирует рефлекторно. Уперев запястья в края огромной серебристой чаши из нержавеющей стали, ты давишь всем своим весом. Это прямоугольная ёмкость со странным варевом внутри: горячей водой, грязной посудой и остатками пищи. Всё это приправлено образованиями извивающихся в плоскости жидкости капель, слипающихся границами мыльного янтаря. Они плывут, будто застывшие в воздухе разноцветные круги вздутого моющим средством подсолнечного масла.

Меняя форму, они то похожи на грушу, то на апельсин, то становятся чем-то вовсе несхожим ни с чем, кроме, пожалуй, водяных хороводов мыльных пузырей, танцующих с кружками масла. Теперь они синхронно увлекаются растягивающейся поверхностью воды к воронке у сливного отверстия. Словно парализованный, как глядят в пустоту, смотрел как маслянистые кругляшки улепётывают прочь, словно насмехаясь над смыслами в твоей голове, пугая своей непринужденностью и уносясь к сингулярности земного бытия. Они оставляют тебя стоять на месте, хотя вокруг всё ещё создается новый мир. Эти капли, словно дети, радостно предвкушают побег: они дразнят приятными глазу формами, притворяясь, что не спешат покинуть эту

странную емкость. Эту емкость, благодаря которой посуда снова становится идеально чистой — той самой, которая в часы личного усердия становилась такой же отмытой, но до поры вмещала лишь недра мутной смеси.

И вот он, весь напряженный, опираясь на собственные запястья, вроде бы вдавливая их в плоские края чаши. До тех пор, пока конструкция не начнет стонать под давлением веса, умоляя прекратить истязание. Потом ты выдыхаешь и плавно возвращаешься на место, ослабевая. Затем поворачиваешь голову туда, где, наверное, другой человек смотрит так же, видя тот же вопрос, который ты продолжаешь себе задавать: «А что он тут делает? Что мы тут делаем... Что я тут делаю?»

...Не то чтобы я не понимал, чем он занят сейчас — как и я, — но задаться вопросом: «Что мы тут делаем?» — всё равно сложно. Будет ли этот вопрос услышан тем, кто его задал? Или стоит разрешиться ему самому?

— Расскажи лучше, чем занят прямо сейчас. Я так понял, ты посуду моешь?

— Да, так и есть. Работа нехитрая, но порой утомляет своей неорганизованностью. Но ведь, если бы это был мой реальный заработок, условное пропитание, согласился бы я оставаться хоть два дня в таком недоумении? Не из-за бесконечного потока грязной посуды, прибывающей с невероятной интенсивностью ровно три раза в день после готовки. А из-за приема пищи вместе с теми, с кем нельзя говорить; теми, ради кого я здесь. Ради тех, кого я никогда не узнаю и больше нигде не увижу. Так ли это?

И всё же именно сейчас я получаю острые эмоции от того, кем ощущаю себя в рамках этого жизненного опыта. Особенно глядя на себя со стороны в момент прикосновения к этой воде. Так ли это на самом деле, или во всём виновата чертова грязная посуда? Вопрос о своем месте я себе уже задал, да ещё и по-настоящему. Примерно так же, как задавал его и ты в своё время: «Возможно!». Это внезапно осознание себя в новом месте, куда минуту назад ты даже и не собирался попадать.

Торопливое волнение, взгляды по сторонам, принуждение себя не останавливаться и не сомневаться в происходящем. Пока ты еще не знаешь, что дороги назад в этом сне нет. И вот тебе снится: ты — человек в синем полумраке, словно на дне колодца. Ты взираешь в высь и видишь лишь яркий круг, образованный жерлом. Сверху падает плотный луч света, освещающий голову и плечи. Ты видишь свое высветленное лицо в темной синеве, всматриваясь в него этим узким лучом. И теперь, когда приближение стало максимальным, нельзя не заметить, как он смотрит вверх, щурясь и вызывая к ЭХУ. Он стоит там, откуда доносится вопль, быстро оглядывается во все стороны, пытаясь вспомнить что-то важное. Он ощупывает стены, стараясь рукой найти опору. Но каждый раз его кисть не находит тверди, а будто пронзает плотную синеву полумрака. Эта стена мягкая, тёплая, она разбегается от касания, образуя рябь и переходя в волны. Ты слышишь, как синева движется, покрывая рябью сам воздух. Это и есть голос человека, пока не нашедшего ответа. Лишь один вопрос возник тогда, когда необходимо было начать отвечать на него, чтобы начать рассказ об удивительном опыте продолжительностью год и продолжающемся до сих пор. Где всё снова начнется с вопроса...

«Где я?»

...В эту самую минуту сущность, которую каждый из нас называет «Я», оказывается в самом центре. В центре Земли, Вселенной, а может быть — и Галактики. В центре разума, души или самого Центра.

«Центр» — прекрасное слово, но обретает оно новый смысл только тогда, когда ты начинаешь чувствовать этот самый пункт опоры: место, где множество разрозненных проявлений слито в единое целое. О поиске этого целого и о связи с ним через призму собственного «Я» я веду свой внутренний монолог уже второй день.

Стоя перед огромной чашей, из крана которой непрерывной струёй льётся тёплая вода, или напротив посудомоечной машины, я понимаю: вот уже десять дней, находясь тут, я говорю со своим «Я». Или мое «Я» говорит со мной. А значит — и со всем тем, с кем придется.

— А потом что?

— Потом будет иначе, совсем по-иному. Но не каждому откроется этот разговор. Туда, куда мне предстоит вернуться, нужно приходить внимательнее. Осознанным множеству, двойне, тройне — столько раз, сколько потребует реальность. Ибо пространство ошибок, которое здесь кажется дозволенным, на родине прощается гораздо строже.

Но пока, несмотря ни на какие усилия, моё сознание стремится сорваться куда-то вверх. Его тянет ловушка, подпитываемая внутренней иллюзией просветления. Ум заманивает превосходством, предлагая расцвести новой личностью. Правда, эта новая форма пока не способна удерживать связь с реальностью, упуская истинное — о нём поговорим позже. Речь идет о том фундаменте, который позволяет задержаться в моменте созидания, не скатываясь в утление жажды ложного ложным. Ведь, погрузившись в заблуждение относительно собственной духовности, можно потерять ориентиры.

— С чем же субъекту приходится сталкиваться на переходе от бессознательного состояния к осознающему?

— С тем местом, где бессознательное маскируется под просветление.

Чувствуя требования ума — запросы личного Эго на возвышение, — нужно одергивать себя. Эти строки нужны, чтобы ввести тебя в курс дела. Ситуация такова: дело захвачено ложью, которая теперь пытается упаковать всё это в фасад «успеха», ставя своё Эго выше СЛОВА и мира. Она утверждает себя через пустое восхищение пробудившимся чувством любви. Дарующим радость. Правда, пока она лишь отвергается ради удовольствия — той самой радости, которую существо моего субъекта еще не научилось принимать.

Как бывало прежде. Столкнувшись с этим новым сегодня, я выберу пока остаться на земле. Потрать немного времени, чтобы послушать рассказ о Центре медитации и духовной практики рядом с большим городом, откуда я вернусь уже через восемь дней.

Духовная практика?.. Медитация?

— Что?! А?!.. Да, да — космодром. Но не в привычном его понимании, и уж точно не центр управления полётами. Это нечто куда более важное для землян, чем их навязчивая идея переносить своё брэнное тело в дальние космические дали или на заброшенные планеты Солнечной системы — те, что, по мнению некоторых, остаются навсегда мёртвыми. Именно это заблуждение ложится в основу той самой новой космической эры. Оно рождается из Эго, встающего против времени ради приобретения новых, величественных свойств через переход человекоподобного в нечто высшее — в новый этап «прогресса сотворчества».

Но это лишь важный аспект! А как ты относишься к миру, олицетворённому не личностью, бегущей от себя навстречу холодной плоти созданного ею же космоса? Миром субъекта, стремящегося раствориться в технике? Такое возникает ровно там, где фантастика прошлого рисовала нам образ «духовного героя». Человек — скальпель, изваяние гениальное и вместе с тем нелепое. Прошло время, и уже не фантастика: ракеты построены, планеты изучены... И всё равно они кажутся пустыми и не заселёнными.

А есть ли тот герой, тот фантастический человек из книг, наполненный сверхкачествами, «Демидург» собственной судьбы, возвысивший себя до уровня бога — укротителя вселенной? Разве мечты о переселении — не просто попытка расстаться с собой, спрятаться от проблем, созданных нашими собственными руками? Это желание убежать от неудовлетворённой амбиции — бремени ложного, прячущегося за маской отсутствия смысла бытия. Мы снова опираемся на искусственное — но теперь уже в интеллекте. Забывая о Творце истинном, мы пытаемся подменить Его существование чем угодно, лишь бы не нести ответственность, посягая на Его право. Как бы наделяя себя Его могуществом!

Разве ответом природы на это безумие субъекта, олицетворяющего искусство во всём и считающего себя творцом истины, не стали такие места, как наш Центр? Думаю, да. Ответ именно таков. Эти центры уже существуют по всему миру, но расстояние между желанием и опытом измеряется годами, десятилетиями и даже столетиями.

В реальности же современные «духовные центры» чаще находятся во власти традиций и религиозно-духовных систем. Системы эти предлагают путь, но не каждому готовы даровать истинное просветление. Они не одинаково полезны и интересны. Их содержание не может быть универсальной правдой, способной объединить людей в едином смысле жизни. Анклавы эти, как правило, имеют жёсткую иерархично-религиозную структуру, которая скоро теряет связь с реальностью. Они замыкаются на бесконечном повторении чужого примера, уводя в ритуал, создавая секторальное представление об истине ради своей выгоды. Это поучение, основанное на мнении, требующее поклонения опыту авторитета секты. Чаще всего всё сводится к пустым ритуалам, усложняющим путь к духовной правде.

Мой путь к этому опыту в начале не был определён ни выбором, ни решимостью; он был полон сомнений. Практики стали модным направлением, но они чужды нашему обычному образу жизни. Если в чём-то и разобраться, то лишь поверхностно, по разрозненным источникам. Из них быстро становится ясно: попадание под влияние этих текстов не сулит хорошего. Там отзываются голоса, претендующие на истину, апеллирующие к инстанциям, прячущиеся за религией. Это голоса тех, кто набил оскомину одним заблуждением: пустым звоном о благочестии и счастье за счёт выбранного направления. Они не объясняют учение собственным примером, ограничиваясь словом о любви, которую сами не проявляют. Упорно приглашая вступить в ряды тех, кто усомнился в наличии любви в себе. Сегодня эти сектантские движения олицетворяют лишь несбыточность того, о чём там говорят.

Каждый, пытаясь реализоваться искусственно, находит лишь ложное определение любви. Олицетворяя ложь в своём существе и прикрывая невежество религией, они не могут определить *центр в себе самом*. Теперь они сеют сомнения вокруг альтернативных, эзотерических направлений, выражаясь языком религии, идеей непонятой, невнятной и потому отвергнутой — ведь причина возникновения настоящей любви так и остаётся не раскрытой...

— Вечная причина сомнений — хотя они к этому моменту почти исчезли — подтолкнула меня выплеснуть всё это здесь, в тексте. Это было плодом непокорного мышления во время мойки грязной посуды в период моего служения в Центре. Ведь только теперь, когда хаос внутри сменился внешним порядком (пространством, вмещающим столовую утварь и мечтающие объятий огромные кастрюли, которые я должен приводить в порядок КАЖДЫЙ РАЗ после их возвращения), я позволил себе эти рассуждения.

По собственному осознанному решению я нахожусь сейчас в другом состоянии, воплощая обновлённый разум. Опираясь на творческое начало и новое воззрение на Мир, я могу делать выводы, стоящие выше простых сомнений. Выводы, которые заставляют Эго отступить дальше черты самолюбования. Из всех тех, кто сомневался в праведности моего пути, осталось лишь оно. Сегодня, даже подвергая себя сомнению, я не мучаюсь отсутствием истины, как делал это раньше. У меня есть чёткое воззрение на путь. Я обрёл это понимание только

после момента полного принятия решения идти до конца, чего бы это ни стоило. Именно тогда, когда жажда сдвинуть накопленные знания с мёртвой точки достигла предела душевной тревоги, требовавшей действий, я решил прибыть в подмосковный центр медитации в системе ВИПАССАНЫ.

В тот момент, когда обстоятельства становятся ниже твоего уровня намерений, всё начинает меняться.

Как и у многих, первое упоминание о подобном вызвало у меня всплеск негодования: «Что, новая секта?» — зывал внутренний голос при звуках, на незнакомом мне языке: ШИЛА, САМАДХИ, ПАНЬЯ. Но успех заключался не в словах. Первое впечатление было лишь словесным. Позволю себе отступление. Как живое свидетельство, толкнувшее меня на этот решительный шаг — опробовать технику этого центра.

Если коротко рассказать о пути, приведшем меня сюда, описание займёт пару слов. Мне хотелось показать тебе обычного человека, без премудростей, не выделенного ничем особенным в плане развития или талантов. Просто пришло время пройти свой первый и пока единственный курс студента этого Центра. Продолжая говорить с тобой на «Ты», скажу откровенно: я никогда ранее не занимался подобным и, как многие, считал себя непригодным к практикам медитации, левитации и прочим асам. Разобраться с теорией, используя интернет, мне не удалось (парадоксально, но теории для этой практики попросту не существует). Интернет оказался бесполезен. Я решил, что это не для меня...

Сложно, и как-то все непосредственно лукаво: тихим голосом, находясь на кромке божественного пейзажа, «излагают истину» эти «чеширские коты» в рясах или балахонах, балаклавах под балдахинами. Они уже вселяют ко себе уважение через мою немощь, хотя бы тем, что умеют сидеть так же, как этот «кот» с бархатистым голосом и просветлённой улыбкой, занявший позу, отвечающую таланту к просветлению. Но судьба, или же я назвал это — мой путь, в сближении с тем, о чём пойдёт речь далее, лежала через иные направления, если можно так выразиться — через другие медиа, так сказать: через индивида — своего друга. Ранее прошедшего данный курс и уже неоднократно побывавшего в качестве служащего там, а ещё приобщившего свою маму к данному виду повседневной практики, даже побывавшей как-то вместе с ней в этом центре. Постепенно поворот крутанул и меня так, чтобы я увидел всё сам. И тут никакой рекламы, а может быть, если и так, то тогда выраженной только лишь её нативными свойствами.

А произошло всё так: мой друг, проезжая на курс из Сочи и обратно, всегда останавливался у меня на пару дней для отдыха и прогулок по городу, который достоин того, чтобы при любом удобном случае, оказавшись в нём, задержаться для приятного препровождения времени. В один из таких разов, когда он останавливался у меня, проезжая из центра домой, я заметил — точнее, теперь явно подчеркнул намеченное ранее — что после его отбытия взгляд на мир казался мне меняющимся или изменённым. Особенно это чувствовалось именно в эти дни. Казалось, я будто начинал четче мыслить, больше и тоньше чувствовать. Например, рацион питания снова стремился укорениться в чистом, вредные привычки уходили на второй план, я чувствовал прилив сил; словом, наблюдал какое-то эмоциональное парение. Наделялся новой уверенностью в осознаваемой правоте этого нового. Да и к тому же вспоминалось, как он медитирует по утрам. Натурально стало разбирать внутреннее любопытство, ещё пока граничащее с всё тем же недоверием, оставшимся от того, что может вызвать любая догма о счастье в нирване и всём таком:

— Можно ли добыть нечто, ничего не делая натурально? Возможно, это просто такая уловка для кайфожера, такими переполнена реальность сегодня? Спрашивал я себя.

Некий триггер, составляющий сегодняшние информационные сети; вводящий тебя в круг заблуждений и не дающий никакого действительного или, сказать больше, реального развития в личностном стремлении.

— И ты, наверное, думал так: какая-то практика, предлагающая опираться лишь на чужое пребывание в каком-то экзальтированном состоянии, дарующем некое освобождение? Да ещё и возведённое всё в догму об освобождении от страданий?

— Примерно так, да, я и считал.

Не понимая, для чего всё это в принципе может быть нужно, кроме получения кайфа от такой практики — всего лишь завлекающей своим искусством прозрения, приходящим отовсюду, звенящим разношёрстной теорией в формате кичливой эклектики, вырванной из собраний разной мудрости, оторванной от истинных источников, проявляющих любовь в примере. Опирающейся сегодня лишь на костыли, оставленные в виде искусства просветлёнными. В зеркале которого, сами же, пока не способны явить искусство просветлённых, а значит не в силах подтвердить представляемое своим творчеством. Стремимся лишь подражать искусству, забыв о том, что подобное в истине есть побочный эффект действий нравственного опыта самим естеством, как некогда прибывавшей в этом мире сущностной нравственности. Того, чей прах давно переродился в творческую основу и встал в жизнь, но есть лишь существующий совершающими пустые ритуалы без веры в себя лучших, словно в насмешку тому всегда мифическому персонажу, давно прибывающему в мирах, недостижимых для нас самих.

...И сегодня легко понять, что именно влечет субъекта в познание таких практик даже через теорию. Это не вера и не основа чуда, нет — это искусство рекламы. Она разнообразна и чаще дурна своим легкомысленным пафосом. Сначала она увлекает слабых и покорных эгоистичным порывам туда, откуда уже нельзя будет вернуться без ущерба для собственного сознания.

Такая теория выглядит как догма о спасении «сидя». И что же способна дать такая практика на деле? Лишь расширение эгоистического чувства субъекта. Приковывая себя к авторитету успеха, который закреплен в истории своим искусством, человек понимает, что это не чудо и не истинный смысл достижения, а лишь закономерность, свидетельствующая о подлинности духовного пути этого автора. Остается лишь копировать его искусства, опираясь на желание испытать то же самое достижение.

Если быть точнее и правдивее, желание сводится к умыслу достичь феномена, сопутствующего главному творчеству авторитета. Чтобы стать особенным, не таким как все, обзавестись паствой, управлять ею. Стать назидательным, корящим чужое самолюбие своим «светом» или способностью ходить по воде. «Как бы скорее научиться ходить по воде», чтобы всех этим удивить — за дивиденды, конечно. В этом основная идея и отправной смысл таких начинаний.

Желать невозможного, даже не попытавшись сначала собственным существенным действием «привлечь любовь пространства», значит прозябать в невежестве, прикрываясь несуществующим внутри тебя, изображая сотворенного идеала. Как этот или тот герой, незрелый ни для чего большего, кроме выучивания несуществующей теории. Это Я, не стремящееся к просветлению, не готовое обеспечить себя осознанностью времени и места, то есть действительной жизнью, за счет элементарного нравственного воспитания. Идет к образованию!

Говорю это как человек, чувствующий повальное увлечение современного времени разными изотерическими направлениями в добывании чудес безверием.

Так, оказавшись на месте своего друга, я не хотел брать себе какую-либо задачу в жизнь, особенно осознав на себе то, что он выразил дальше. В тот момент, когда он сказал мне, что служил где-то в центре некой практики с непонятным названием, я совершенно отчетливо помню, как обвинил его в принадлежности к секте. Но всё стало меняться, когда он каждый раз по возвращении оставлял после себя незримую перемену в ощущениях пространства.

— Думаю, пора сказать о твоём друге, не так ли?

— Да, конечно. Можно сказать пару слов, чтобы составить образ проводника. Показать устройство последовательных шагов Вселенной, передающей информацию каждому, согласно запросу и готовности пробудиться.

Мой друг, его зовут Аский, давний и хороший товарищ. Ещё в незапамятные времена он поражал меня тем, как в водовороте обычной рутины субкультуры тусующихся субъектов вызывал во мне диалог. Например, отказавшись первым засорять свой организм; или став первым в окружении персонажем, заговорившим о чём-то высоком самим своим существом. Даже отказавшись от употребления мяса, будучи тогда вовлечённым в морок всепоглощающего эгоизма, гедонизма, но бесконечно полным надежды занять место достойного человека, — он вызывал во мне стыдливое ощущение, словно бессловесно упрекал меня в чём-то. Это было первое откровение, положившее начало моему личному стремлению к трансформации физического существа. Без чего, как ты понимаешь, начать духовное пробуждение просто невозможно. Разве что в редчайших примерах чудес, вторичных по отношению к первичному труду.

«Какой вздор!»

... «А что мы здесь делаем?» — думал я однажды, стоя над огромной мутной чашей, когда пытался угостить его обычным домашним ужином, в котором присутствовала курица.

Думаю, многим знакомо это чувство «препятствия», которое возникает не из-за самого факта отказа от еды, а из-за осознания разного уровня развития. Ты чувствуешь себя чужим в своей же попытке угостить собеседника тем, чем питаешься сам, сам того толком не понимая. Но идея отказа от мяса мне понравилась. Она была потрясающей, словно гром среди ясного неба!

Отказ от мяса действительно сработал — сначала чисто на интуитивном, подсознательном уровне. Именно с тех пор мои стремления начали направляться к очищению рациона от всего животного происхождения. Я стал избегать того, что ранее считал нормой, но что оказалось камнем преткновения на пути духовного становления. Тем самым «извращением мышления», которое через плоть отвлекает от поиска истины.

Всё, что проявлял тогда мой друг, вызывало у меня тихое восхищение. Я чувствовал, что его существо резонирует с моим на какой-то высшей, чистой ноте. Я понимал его не умом, не словами, а принял верность этого пути всем своим существом. И даже то, что он был младше меня, не имело значения. Будь он хоть на сто лет старше — вряд ли смог бы передать эту информацию искусственно, снисходительно или назидательно.

Я тогда ещё не мог всерьёз заниматься методом освобождения — наше сознание висит вверх ногами, пока человек целиком захвачен ложным. То, что раньше я считал причудами молодёжи и модным вегетарианским хвастовством («дескать, пройдёт»), теперь оставило глубокий след. Эта информация, приходящая от него при каждой встрече, не выветривалась даже от житейских потрясений. Она укоренялась внутри, готовясь дать плоды, когда я сам смогу стать примером для себя.

Сегодня я стремлюсь не падать ниже уровня того лучшего себя, который теперь хранится внутри. Если начинаю возвышаться из ложного — опускаюсь вниз. И всегда опираюсь на тот конкретный пример, задолго до этого заложенный личностью моего друга.

Теперь, по обыкновению, во время нашего очередного разговора, когда Аский возвращался в Москву после курса, он сразу обозначил важное правило: не обсуждать суть практики дословно. Любые расспросы рисковали принять характер непрошеного обучения, что было бы ошибкой с моей стороны, в силу отсутствия опыта и компетентности.

Но даже этих кратких, небезразличных теперь и мне, слов хватало, чтобы понять: место это абсолютно безопасное. Особенно учитывая важный нюанс финансового вопроса. Сегодня, кажется, всем понятно: духовную истину нельзя обременять ценой. Назначение стоимости — будь то фиксированный билет или любая другая форма оплаты — девальвирует саму суть и отсекает от неё тех, кто готов идти к свету без денег, но с горячим сердцем.

Познакомившись с устройством центра и системой его жизнеобеспечения, любой искатель должен испытать удовлетворение:

...В этот момент я вынужден ненадолго прервать наш разговор об Аские и, забежав вперёд, опишу устройство этого места всего в двух словах. Хотя, по моему мнению, такая тема достойна отдельной главы, к которой нам ещё предстоит возвращаться неоднократно.

Итак, как же система центра обеспечивает базовые потребности его гостей?

Здесь есть всё: комфортное жильё, трёхразовое питание, условия для практики. Всё необходимое предоставляется человеку, чтобы он мог спокойно начать путь, независимо от уровня физической подготовки или состояния здоровья.

Появляется резонный вопрос: «Как так? Никто не требует денег? Нет никаких ценников?»

На самом деле есть нечто более существенное. Именно это поможет тебе понять суть происходящего и решить для себя, чему равна эта цена. Ты сам решаешь, чем можешь ответить на оказанную заботу.

Если честно, даже несмотря на то, что ты проводишь здесь около десяти дней совершенно безвозмездно — питаешься, живёшь и получаешь полную поддержку каждого студента и служащего, — вопросы не исчезают. Напротив, они переводятся в плоскость любопытства. Правда? Звучит слишком фантастически, особенно в эпоху кризиса капитализма. Разве нет?

Но на деле всё предельно просто: смысл в том, что ты живёшь за счёт средств, оставленных теми, кто пришёл до тебя, и теми, кто успешно завершил курс и захотел подарить такую возможность другим. Так это и работает. Это честно!

— Но это звучит нереально!

— Да. И, учитывая, что этот центр находится неподалеку от столицы России, именно этот экономический нюанс — связь правды и истины, независимость от коммерции, — окончательно убедил меня. Это сняло все сомнения и позволило сделать первые шаги.

...Возвращаясь снова к моему другу, я хочу завершить наше с вами знакомство с ним. Но здесь я делаю небольшое отступление, ведь эти мысли неразрывно связаны с сутью того, что описано — с ощущениями от центра, от практики и от самого Аския.

После каждого его визита у меня оставалось три-четыре чистых дня внутренней работы. И вот, спустя время, я начал замечать перемены в себе: после его отъезда на меня действовало

какое-то благостное воздействие, психофизически меняя концепцию восприятия мира. Это ощущалось совершенно явственно сразу после нашего расставания.

И это исходило не просто как приятное послевкусие от общения или от радости видеть старого друга. Мы действительно много говорили обо всем на свете — от житейских мелочей до глобальных тем, гуляли по городу, любили его виды. Мы практически никогда не касались места, откуда он вернулся или куда едет. Суть передавалась иначе. Мне хотелось передать те ощущения, которые помню до сих пор: будто общаешься с самим бытием, которое дарует покой и надежду на то, что все мы — едины.

Менялась повестка дня, смещалось отношение к миру. На меня начинало действовать новое стремление узнать, что же это такое на самом деле. Я хотел подробнее постичь ту действительность, которую он транслировал, каждый раз как энергетический подарок ближнему. Постепенно бессловесные ощущения перерастали в идеи и мысли; ум наполнялся рассуждениями, а я обретал желание действовать.

Это, кстати, говорит о том, что контакт с практикой (или скорее, подготовка к ней) выражается не просто желанием чего-то большего для себя, а тем смыслом, который сама практика несет в своем существовании. Она наплатила меня важной информацией, не произнося ни слова, через моего друга. И во мне самом зародились слова, объявившие о готовности, которой пока нет у многих. Готовности столкнуться с новым взглядом, который может дать друг, знакомый, брат или сестра. Для этого нужно лишь прислушиваться к тому, что сообщает тебе твое тело через разум. Выяснилось, что ко всему этому я был готов.

И тут нет чудес. То, что я изложу дальше — это не про чудеса, а про опыт, даруемый осознанностью и искренним желанием жить сознательно.

Я шел от сомнений, сквозь страдания и чувство вины перед благом мира. Я захотел ощутить себя тем, кто способен прощать, любить и постигать любовь зримую — настоящую и стоящую того. Приняв всё родное внутри себя, наедине с собой, без иллюзий и внешних практик, опираясь лишь на пример и идеал земного Учителя истины. Его имя — это основа бытия Любви, и само Его имя и есть Любовь.

Я хотел бы сказать о Нем, но пока не буду называть имя, так как сегодня оно часто служит поводом для отрицания. Но суть не в этом. Надеюсь, пояснения хватит, чтобы было ясно: мой рассказ не о чудесах и не о Личности Учителя как таковой, а о Творце, о порядке, который Он учинил в душе человека. О приходящем порядке действий в дисциплине духа — без сложных техник, центров, атрибутов и усечённых религиозных систем.

Именно пройдя через веру в совершаемое над душой, понимая суть Его любви, я оказался готов прийти к этой технике и принять всё то, что рассказывал о себе друг Аския — веру в лучшее в нас самих. Об этом я сейчас много размышляю, стоя у мойки и мою посуду.

О преображении — молниеносном преображении субъекта в личность, личности — в индивидуума, индивида — в Человека. И я понимаю, что не только думаю об этом, но и постигаю это на деле. Не мечтаю, глядя на стоящего спиной парня, который моет огромную посудину в чане с водой, всего в двух шагах от меня — товарища по труду, с которым судьба свела меня именно здесь. Где мне не жалко того, что произошло сейчас, а то, что было раньше, стоит рассказать чуть ниже: «вжжжжууххх» — это звук разбитого стекла...

Забегая вперед, обозначу важный контекст своего повествования: практика — это всего лишь дополнение к становлению Божественного в каждом из нас, но не панацея от невежества, хваткое ради экзистенциального опыта или ради удовольствия. Это временно воплощенное благо, рефлексия естества Любви, свершаемая душой, вмещающаяся на время в душу субъекта.

— Человек — Он и есть тот идеал, к которому хочет прийти большинство. А не к практике ради практики, ради кайфа или рассказов о полетах. Ведь так не так ли?

«Говорю о труде не как о жертве, а как о смирении».

...Итак, это всё, что касается моей готовности понять новое и принять его. Я хочу беседовать с тобой на примерах собственного опыта, значение которого пока, к сожалению, не может разрешиться чем-то абсолютно ясным. Это привело меня, теперь уже во второй раз, в сферу данного центра ровно через год после первого пребывания в его пределах.

Как уже и собирался, в течение всего текста я буду рассуждать об особенностях устройства центра, о его уникальной среде, выступающей прототипом общества будущего.

Но где я сейчас нахожусь! И что я делаю?

Мою посуду. А зачем я это делаю?

Я служу. Я служу на практике нового курса, куда приехали студенты на десять дней для вхождения в практику. Данное служение — часть практики, но уже моей личной. Я здесь не только для того, чтобы продолжать укореняться в технике медитации, но и для того, чтобы пронаблюдать её действие на социальном плане, поставив себе безусловную цель: находиться здесь с экспериментом наблюдения за собственным существом в действии.

Во время однотонной механической работы ум пронесет множество мыслей. Некий бессознательный антипод осознанности... *вжжжжх*. Разбился стакан. *Вжжжжх*. Разбилась тарелка.

Обычно я бывало чувствовал, особенно в первые дни, как мой напарник периодически начинает ускоряться. Будто вспоминает, что куда-то спешит. Но куда ему спешить? Закончить работу быстрее? Зачем? Нет, дело не в этом. Но мне некогда смотреть на него — я просто чувствую, что-то резко пошло не так. Сменяется поток или волны, исходящие от него: гладь уже покрывается «барашками», красивый пейзаж становится недружелюбным; его очертания кажутся рыхлыми, а в глубине перспективы будто начинает пениться — темнеть.

— И что же это? Почему портится погода?

Выход из осознанности и потеря контроля над эмоциями. Вот что это! Порывом, множество сегментарных чувств накрывают МЕНЯ одновременно всем своим существом, словно нависая извне. Казалось бы, ничтожные масштабы той точки, вглядывающейся в начавшее бушевать вокруг.

И вот уже слышен не шёпот приятных слуху звуков тихого дня, а скрежет накатывающей мглы: рвущиеся наружу обидные догадки и желания с чем-то расквитаться.

Это происходит резко, будто мутная вода поднимается откуда-то снизу, начинает торопить тебя, напирать со всех сторон. Она заставляет гнаться за тысячей прыгучих мыслей. Ты, хоть и понима своё положение, послушно следуешь ему, закручиваясь в этот мутный и нечистый водовороте собственного эмоционального угнетения.

Ты не сопротивляешься — наблюдаешь. Спасаясь так, как сознание начинает шарить по всем углам, пытаешься найти прогалины без мути. Ты ищешь причину происходящего, чтобы найти виновного — хоть кого-нибудь, лишь бы объявить состояние личной неприязни ко всему вообще, а не только к живому. Опять же, лишь для того, чтобы объяснить себе происходящее с самим собой.

Перепробовав всё возможное и уже не понимая, куда упереть свой мысленный взор, ты теряешь осознание. Ты начинаешь кричать — где же?! За что можно уцепиться в своём лучшем «Я»? Делаешь резкое движение, как бы декламируя небрежность в отношении к бездуховному предмету. Это всё, что доступно тебе сейчас: полусознанно, догадываясь, что сейчас произойдёт, и считая этот порыв последним спасением с проблеском разума, ты отпускаешь усилие противостоять столь знакомому чувству ненависти. Последним жестом ты роняешь что-то на пол: *вжжжжжжжжжж*.

Наконец, как будто очнувшись, ты чувствуешь то же самое угнетение, но уже реальное. Тебя бросает в пот, силы покидают тебя, будто от зноя, пылающего отовсюду. Глядя исподлобья, пытаясь спрятать взгляд, ты понимаешь: все вокруг не так, как нужно тебе. Если бы кто-то сделал так, как хочешь ты, всё было бы лучше. Иначе. В общем, какой в этом смысл? Кого я из себя тут корчу? Разве я такой, разве я добрый? Разве я сейчас не проклиная этих людей вокруг за их грязную посуду? Зачем я тут?.. Кто *вжжжжжжжжж*...

В этот самый момент происходит нечто подобное. Летит тарелка из-за нарочно не рассчитанного агрессивного движения, олицетворяющее известное: «Да пошло оно всё!».

Так вот, существует такое убеждение: примерно на второй день — а если точнее, именно на второй, — ты начинаешь замечать самые неистовые пробуждения чего-то пугающего. Оно до боли связано с тем, что можно назвать бессилием перед собственным невежеством по отношению к окружающему пространству. Это чувство погружает тебя в бездну обиды и скорби за самого себя. Ты пытаешься осознать: что стоит за этой обидой? За что ты обижен? На кого?

Ты чувствуешь предвестника того, что всегда сопровождало тебя, — пресловутый комок в горле. Это сигнал, торопящий положить всему этому конец. Сознание шепчет: всё это не нужно тебе, вредно. А всё вокруг кажется чужим, чуждым тому, кто когда-то лишь слышал слово «любовь».

Так постепенно, находясь в центре всего этого хаоса, ты начинаешь понимать: начинается выход. Погружение в необъятные недра собственной жалости к себе. Всё, что происходит внутри тебя сейчас, похоже на смесь тяжелых, агрессивных чувств, приходящих из крушения немыслимых заблуждений. Они оголяют твой субъект до полного ничтожества, воплощая явление слабого и озлобленного существа, которое искусственно проявляется в реальности, оборачивая весь мир против всех.

Это тот самый момент, когда готовность «харкать кровью ради успеха» исчезает, оставляя после себя лишь давление, сдавливающее все фибры тела. Это то, что упорно бьётся изнутри о стенки давно треснувшего сосуда, сдавленного жалостью к себе. Теперь это ощущается физически: напряжение пронизывает каждую клетку организма.

Но затем в воздухе начинают звенеть осколки. Восставшее царство эго, ума и физической оболочки рушится. Как царь своей земли, ты теряешь власть над собственным разумом. Тебе становится странным и даже необходимым узнать, кто и что делал в тот момент, пока ты механически перемыл посуду для сотни человек. И вот, глядя на всё это издали, стоя у мойки, ты внезапно забываешь, где находишься, и сам спрашивает себя:

— Что я тут делаю?

Тело реагирует рефлекторно. Уперев запястья в края огромной серебристой чаши из нержавеющей стали, ты давишь весом. Это прямоугольная ёмкость со странным варевыми внутри: горячей водой, грязной посудой и остатками пищи. Всё это приправлено образованиями, извивающимися в плоскости жидкости, слипающимися границами мыльного янтаря. Они плывут, будто застывшие в воздухе разноцветные кольца вздутого моющим средством и подсолнечного масла.

Меняя форму, они то похожи на грушу, то на апельсин, то становятся чем-то вовсе несхожим ни с чем, кроме, пожалуй, водяных хороводов мыльных пузырей, танцующих с кольцами масла. Теперь они синхронно увлекаются растягивающейся поверхностью воды к воронке у сливного отверстия. Маслянистые кругляшки улепётывают прочь, словно насмехаясь над смыслами в твоей голове, пугая своей непринужденностью и уносясь к сингулярности земного бытия. Они оставляют тебя стоять на месте, хотя вокруг всё ещё создается новый мир. Эти капли, словно дети, радостно предвкушают побег: они дразнят приятными глазу формами,

притворяясь, что не спешат покинуть эту странную емкость. Эту емкость, благодаря которой посуда снова становится идеально чистой — той самой, которая в часы личного усердия становилась такой же отмытой, но до поры вмещала лишь недра мутной смеси.

И вот он, весь напряженный, опираясь на собственные запястья, вроде бы вдавливая их в плоские края чаши. До тех пор, пока конструкция не начнет стонать под давлением веса, умоляя прекратить истязание. Потом ты выдыхаешь и плавно возвращаешься на место, ослабевая. Затем поворачиваешь голову туда, где, наверное, другой человек смотрит так же, видя тот же вопрос, который ты продолжаешь себе задавать:

— А что он тут делает? Что мы тут делаем... Что я тут делаю?

...Гнев достигает максимальной точки от чувства поражения: снова проиграл, сделав себя объектом, выдавшим свою слабость. Тебе ничего не остается, кроме как крепко стиснуть кухонное полотенце, пережить катарсис гневной атаки и двигаться дальше, разгребая дюжину за дюжиной запачканных предметов.

Разбитый предмет или звон железа об пол стали хорошим звоночком, чтобы снова обратиться с силами. Так восставало ложное от инъекций истины, которая пока вызывает страшную эмоциональную боль.

Миид (так звали моего напарника) и я в такие минуты могли наблюдать воздействие ЭГО. Проявляясь, субъект прослеживается в реальности, выдавая себя на пустяках — например, в попытках напасть на самого близкого, как на безобидного. Мы же старались узнать причину конфликта, зарождающегося в нас, связанных ничем, кроме работы и места. Мы наблюдали, где его основа и в кого метит тот проглядывающий субъект сквозь щели трескающейся осознанности. Без любви и с легкостью каждый из нас мог бы перекинуться претензией на друга-напарника. Возможно, успев задать себе один вопрос: *«Чем ты можешь быть недоволен им? Чем он тобою?»*

Как вообще может выглядеть всё то, чем ты готов прикрыться в реальности? Оправданием самого себя в лучшем виде, представляя всё так, как хочется видеть.

В эти два дня мы искали причину, по которой радость от причастности к благому приносит столько боли. Для меня, впервые в жизни увидевшего такую борьбу внутри со стороны. Воочию увидел своё Ложное Я — то самое, требующее к себе особого отношения. Не такого, как к другим. Теперь похожее особое отношение показало всю свою красоту, словно желая лицезреть мои потуги в укрощении этого зверя. Смеясь, глядя мне прямо в лицо, не веря в другой исход.

Миид, мой напарник по мойке, был субъектом в портрете славянского ангела-воина, сосланного на век. Он обрелся заново в своём начале, для поиска правды в настоящем времени новой эры — эры человека-творца истины. Внешне суровый объект личности таил внутри множество приятных, почти романтических предрассудков. Вот он, рядом со мной, но по отдельности, ведет борьбу за существование в покое на этой маленькой мойке. Ради того, чтобы справиться со своим ложным восприятием действительности. Ради того, чтобы закончив работу, более не роняя ни единого предмета, дружно взглянуть на чисто убранное помещение, отправиться дышать свежим воздухом, сидеть рядом, попивая чай на солнышке, грустя о прекрасном и не потеряв нить искренности в стихийной дружбе.

— Скажи, но есть ли в описанном нечто такое, чего не мог бы повторить никто другой, кто не связан с випассаной?

Нет? Верно!

Но суть не в том, мог бы кто-то это повторить или нет. Суть в том, понимаешь ли ты, для чего всё это делается, почему это важно и как именно это следует делать? Ведь лишь сейчас я начинаю лучше осознавать, как практика работает, чего она требует и как проявляется в действии: это сознательное действие, вытекающее из реальности каждого момента. Иными словами, это и есть её плод.

В дальнейшем повествовании я надеюсь, ты затронешь те аспекты бытия, которые интересуют меня лично. Практика наблюдения помогла мне выявить своё отношение к общему, пока я был внутри этого центра.

Мне хочется сместить фокус темы на организацию процессов: рассказать об эго, взаимном уважении и внимании, перерастающем в заботу, основанную на эмпатии. О том, как это выглядит в реальных условиях и почему випассана не искореняет хамство и невежество, а лишь учит не реагировать на них так, будто они пришли извне. Всё это — не по волшебному мановению, а вследствие конкретного восприятия действительности, обретаемого здесь.

— О чём же собственно речь?

Главная алхимия — превращение застывших убеждений в осознанное действие наилучшим образом происходит там, где скапливаются люди и бурлят процессы. Особенно ярко собственные субъекту реакции проявляются там, где есть дифференциация задач — ступенчатая структура, идущая от «почётных» занятий до самых непритязательных.

Проще говоря, там, где есть любая система позиций, объединённых общим делом. Именно в таких структурах, под влиянием разного рода обязанностей, человек начинает проявлять своё истинное «я», часто стараясь укрыться за безразличием к тому, что от него не зависит. Кухня в данном случае — то самое место, где мы и находимся.

Чтобы вернуть рабочее пространство в русло нашего повествования, опишу его кратко. Мои рабочие места с Миидом — это два компактных участка: зона механической мойки и зона ручной мойки. Каждым занимается whoever из нас в зависимости от настроения и желания занять тот или иной пост. Этот выбор диктуется не судьбой, а эмоциональным состоянием.

К примеру, работа на механической мойке приятнее не потому, что она легче, а благодаря самому названию. Кроме того, посудомойка ограждает от появления огромных, так нами прозванных, «царь-кастрюль». Кастрюля из-под супа или с подгоревшей кашей на дне (после готовки на сто человек), ёмкости разного калибра — это всегда задача для ручного труда. Чайные стаканчики, плоские тарелки и столовые приборы — это удел механики.

День начинается рано и заканчивается в шесть вечера, с перерывами на медитации и вечерние лекции. Ложимся спать в десять часов ночи. Важно засыпать, не отвлекаясь на суету, ведь доброе утро — важнейший элемент практики осознания.

Прямо сейчас я нахожусь в центре.

Это может быть центр земли, вселенной, галактики, или, может быть, центр ума, души — центр центров. Центр — прекрасное слово, оно обретает новые смыслы, когда начинаешь

по-настоящему ощущать это единство множества в целом. Об этом целом, об его обнаружении через призму собственного «Я» во Вселенной Мира идет речь. Я осмысляю любовь к этому «Я», мысленно беседуя сам с собой уже второй день.

Стоя у огромной чаши, куда без остановки сильной струей льется теплая вода, или у механизма, зовущегося посудомоечной машиной, я понимаю: эти десять дней, находясь тут, «Я» будет говорить со мной, или я с самим собой. А значит, и с кем придется.

— А потом?

Потом уже будет совсем иначе. Но говорить об этом с каждым просто не получится. Туда, где я вернусь, нужно быть внимательным вдвойне, впятеро. Пространство ошибок бессознательного отношения к ближнему здесь не прощает. И хотя сознание непрерывно стремится унести куда-то прочь, увлекаемое ложью максимы просветления, заманивая превосходством личности, пока не способной равноценно развивать чувство реальности, — я выберу остаться на земле еще немного, чтобы рассказать о ЦЕНТРЕ медитации. Вернусь ли я туда через восемь дней — неизвестно.

— Духовная практика? Медитация?

Зачастую сложно и даже прямо интригующе-лукаво: тихим голосом, стоя на кромке божественного пейзажа, эти «чеширские коты» в рясах и балахонах излагают истину. Они вселяют уважение своей немощью, позируя так же, как этот «кот» с бархатистым голосом и просветленной улыбкой, чья поза кричит о таланте к искусственному просветлению.

Но судьба, а я называю это моим путём, привела меня в сторону от них — через другое медиумическое поле. Через конкретного человека, своего друга. Он уже прошел этот курс, служил там неоднократно и приобщил к практике свою мать, побывав вместе с ней в центре. Постепенно крутящийся барабан судьбы повернул и меня. Тут не было рекламы, возможно, она присутствовала, но носила исключительно нативный характер.

Дело в том, что мой друг, проезжая из Сочи на курс и обратно, всегда останавливался у меня на пару дней. В один из таких приездов, когда он отправлялся домой из центра, я заметил изменение. После его отъезда взгляд на мир казался мне иным. Это чувствовалось особенно остро в дни его отсутствия: казалось, я стал четче мыслить, тоньше чувствовать. Рацион стремился к чистоте, вредные привычки уходили на второй план, ощущался прилив сил — словом, я наблюдал какое-то эмоциональное парение. Появилась уверенность в правоте этого нового опыта. Меня начало терзать внутреннее любопытство, граничащее с недоверием к любой догме о счастье и нирване.

— Можно ли добыть нечто, ничего не делая? Может, это просто уловка для «майнеров кайфа»? Спрашивал я себя. Неужели новая практика предлагает опираться лишь на чужое пребывание в экзальтации, возведенное в догму освобождения?

— Примерно так я и считал. Не понимая, зачем всё это, кроме получения удовольствия. Практика казалась всего лишь завлекающим искусством прозрения, разношёрстной теорией из эклектики мудрости, вырванной из контекста и оторванной от живых источников любви. Опирающейся сегодня лишь на костыли искусства просветлённых, которым мы пока не можем подражать творчески. Мы лишь имитируем ритуалы без веры, словно насмехаясь над тем мифическим персонажем, чей прах давно переродился в основу жизни, но кого мы продолжаем изображать пустыми обрядностями.

— Аскеизм и естественность

И вот одно такое утро хочется описать в простом, поэтическом тоне того, кто там оказался:

Утро. Прекрасная погода.

Снова я смотрю на природу теми же глазами, что и тогда. Год спустя я стою на краю того же периметра, рядом с той же преградой из стальных прутьев — высоким металлическим забором, растворяющимся в дымке и убегающим вокруг моего местопребывания. Оказавшись сейчас тут, после утренней медитации, которая больше не отделяет меня от будущего ожидания самого раннего часа, я наблюдаю начавший разливаться по округе прозрачный свет. Пока он еще не беспокоит ничто живое, нетерпеливо ждущее новый день. Солнце пока так снисходительно к ночи: не гонит её прочь, а лишь напоминает о себе нежным наступлением. Мягко намекает на приход, подавая знак едва зардевшейся полосой на горизонте, уже смягчившей полумрак лучистым светом пробуждающегося из иной вселенной солнца.

Такие часы всегда встречают нас необъятной полосой света на горизонте. Отсюда, с точки наблюдения, ограниченной просекой леса (который образует словно рассеянный экран прозрачного света, высветляющий перед собой прозрачную глубину), происходит игра света на поверхности. Источник нового дня стеснен ночью у самой кромки земли желто-красной тонкой полоской. Но, встречаясь с темнотой и уходя в неё, растворившись в глубине, он возносится зарей и затихает. Зарождаясь, день незаметно размягчается, разлетаясь во всю ширину купола пока еще темной сферы.

Видимое через эту огромную раму без верха, происходящее на той стороне, за краем вырубки, потрясает разум. Оно ввергает воспоминания, которые наполняют мою чувственную память сейчас. Разыгравшись со мной, рождаюсь воспоминанием в сиюминутном повествовании, спешащем за быстро разливающимся светом. опередить его — лишь желание успеть описать то, что встретилось мне тогда и теперь увидено вновь. Изумляясь, я принуждаю себя к достоверности пересказа, пытаюсь справиться с душевным восторгом.

Передо мной поднимается молодой лес, сменивший старый, тонущий в осенней смеси отцветающего полевого разнотравья, недавно примерявшего серебро луны, ныне обещанного вновь. Перед самым началом сияющего представления пространство преображено. Всё замерло.

Но вот начинает свое движение тонкое, едва прозрачное покрывало плотного утреннего тумана. Покачиваясь белой влагой, оно растекается от первых лучей солнца, стираясь, рассеиваясь в полуметре от глаз взирающего. Покрывало растворилось, поднялся гомон птиц. Лес, ещё задумчивый после крепкого сна, не освободил ветви от теней; свежий ветерок, словно утреннее умывание, пронесся между нами. Момент пробудил и меня, вернув на твердь.

Это состояние, в котором я оказался тогда и нахожусь сейчас, вновь потрясает открытием той потрясающей тонкости осмысления красоты мира и предстоящего действия его начала. Мира, состоящего, как нам кажется, из маловажных явлений обыденности... осязаемых отдельно чувствами или осознанием всего Мира.

— Духовная практика? Медитация?

Понять, что именно влечет человека в познание таких практик даже теоретически, сегодня непросто. Это уже не вера и не искра чуда. Скорее это искусство рекламы — многоликое, часто дурное своей апологией вымысла. Легкомысленный пафос увлеченных сначала привлекает слабых, покорных эгоистичному желанию пойти туда, откуда нет дороги назад без ущерба сознанию. Выглядит такая теория уныло и предсказуемо: догма о спасении сидя, способная лишь расширить чувство субъекта, убедив его в собственной исключительности.

Судьба привела меня к практике через индивида — моего друга Аския. Он прошел курс, служил там неоднократно и приобщил к этому пути свою мать. Не было здесь рекламы. Возможно, она была нативной, но скорее всего просто совпало время. Проезжая из Сочи обратно с курса, он всегда останавливался у меня. И после каждого его отъезда я замечал во взгляде мира изменения: четче мыслил, тоньше чувствовал. Появилось желание пробовать и узнать эту действительность, которую он транслировал молча, вручая этот энергетический подарок ближнему. Бессловесные ощущения перерастали в умозрительные идеи и побуждали действовать.

— Но почему же другие терпят крах?

Дело в том, что основная идея многих начинаний сводится к желанию поскорее стать особенным, не таким, как все. Обзавестись паствой, управлять ею, удивлять других «полетами», ради дивидендов собственного тщеславия. Желая невозможного не пытается «привлечь любовь пространства», а прозябает в невежестве, прячась за маской несуществующего в нем божества. Этот искусственный «Я», не стремящийся к настоящему просветлению, не готов обеспечить себя реальностью места и времени, опираясь на элементарное воспитание характера. Это повальное увлечение изотерическими направлениями добывания чудес безверием, подменяющее ответственность творца искусством пустых ритуалов.

— Что? А? Да-да, я понял... Ты говоришь о Космосе?

Да, но космонавтике тоже есть чему поучиться. Представить ли мир, в котором герой бежит от себя навстречу холодной плоти создаваемого им же самим космоса, образуя величайшее заблуждение? Эго землян стремится приобрести новые свойства через перенос брэнного тела в далекую черную точку. Возникая словно из фантастики прошлого, «духовный герой» оказывается изваянием глупым и нереальным. Ракеты созданы, планеты изучены, но человек все так же одинок. Мечта о переселении — не попытка ли сбежать от проблем, созданных собственной неудовлетворенной амбицией? Убежать от вездесущей боли, скрывшись за отсутствием смысла бытия. Забывая о Творце, пытаются подменить Его существование чем угодно, лишь бы нести меньше ответственности.

Но разве такой центр, как этот, рядом с городом, не творческий ответ самой Природы на это безумие? Это ответ субъекту, возмнившему себя творцом истины. Время достижения истины человеком исчисляется годами и десятилетиями практики, а не километрами разлета.

— В чем же секрет?

В самой природе, созданной для каждого. Она делает всё возможное, чтобы «Я» и «Ты» стали лучше. Чтобы, поддавшись искушению ложью, мы отвернулись от неё лишь на мгновение. Она беззащитна перед нами. И лишь открывая свой разум этому наблюдению, человек понимает: ему показали тайну своего присутствия и могущества. Тому, кто покорила её лишь затем, чтобы узреть всю красоту и прийти к себе самому. Она дает шанс всё исправить, прощает и зовет войти в нее нагим, без умысла. Поверить: ты сможешь научиться брать только необходимое и отдавать нужное. В мире людей мы привыкли только брать, но сама Природа поступает иначе — она дает всё необходимое для жизни.

Слезы могут навернуться, когда смотришь на утренний пейзаж, но не глазами, а сердцем — тем органом, который стал центром наблюдения. Как будто ты доверяешь ей свой взгляд на себя со стороны. Мощь этой красоты не постичь в суеде хаоса, где танцует всепоглощающее эго. Нужно идти туда, где ты — часть иного, переведенная в реакцию энергии, питающая добро и искоряющая зло. Для этого достаточно честности и внимания к своим первичным чувствам.

А почему же тогда всё это строится в рамках религиозных утопий? Там важен не предмет и не человек, а теория. Объединяет всех не практика, а возможность теоризировать о своем лучшем «Я» в кругу тех, кто находится в худшем обществе. Такой субъект живет, порицая других, не понимая, кого и зачем он осуждает. Порицая другого, он лишь усиливает то самое порицаемое свойство в себе, не являя примера истины. И, наконец, осознает: тот, кто порицает тебя, делает это лишь потому, что видит в тебе искаженную проекцию собственной лжи, не желая искать источник обмана в себе самом.

Первый раз он явственно переживал не из-за утраченного удовольствия, а из-за возможной утраты нравственного начала. Иначе говоря, из-за постижимого греха. Он увидел искажающий смысл подобный поступок со стороны, глазами не осуждающими, но проникающим взором, обращаясь в предмет, взглядом, способным докопаться до сути этого искажения — как порицания самого себя.

И пока такого взгляда недостаточно, многие так и останутся неспособными действовать, проявляя лучшее прежде всего в самом себе. Ведь уровни воздействия этого лучшего необходимо применять на себе самом. Но как именно это делать? В этот раз практика випассаны что-то не открывает. Скорее она даже может закрыть многое из того лучшего, развязывая ложное.

— Да, но это свой уровень?!

— Да, но практика не совсем об этом!

Эти летучие мысли: «но», «не», «об», «и» — роятся вокруг, словно стрелы. Они пытаются пригвоздить страждущего, от которого невозможно скрыться. Ранят день ото дня мучительной надеждой, подсекая мечущегося в поисках правды, лишь нанося раны там, где герой не сведущ. Может, я всё же ошибаюсь? В чём я могу ошибаться, когда, казалось бы, всё так ясно?

...Время в центре течёт по-особому. Дни расплывчаты, их словно нет. Есть текучее текущее время, отмеченное рассветом и закатом. Начинаешь всё больше терзаться странными домыслами, подобно тревоге, начавшей колебать меня изнутри. Старое, верное ощущение ещё не выветрилось, подаваясь тревогой от незримых перемен в происходящем. Нечто снова стало одолевать меня внешними факторами, через свойства отношений с окружением, отражаясь чувством исчезнувшей надежды. Надежды на могущество данной техники, связанной прежде всего с важными для меня отражениями внутри самого субъекта. Укоренившаяся за год надежда дала трещину.

Началась инициация процесса отражения, то самое «зазеркаливание» моего внутреннего состояния через внешнее пространство. Когда ты слишком глубоко погружаешься в самоанализ, пытаешься выкарабкаться лишь за счёт собственных представлений о себе. Ты складываешь и вычитываешь всё, что сам придумал о себе, накладывая свои надуманные ожидания на действительность. Не сумев отпустить их прежде, пытаешься натянуть ожидания на реальность через некую деятельность без дела. Таким образом, облечённый в искусственный авторитет, ты говоришь о вымышленном, стараясь явиться словно во сне объектом для подражания своему же субъекту, своим домыслом в убеждении личного превосходства.

Что есть ничто иное, как работа ложного, затевающая первичный конфликт внутри субъекта, рождая предвзятость.

— Не присущую тому, кто умеет любить?!

— Да. И ты встаёшь в позу ложного праведника со всеми вытекающими последствиями. Живя умом, мечешься в тревоге от заблуждения, боясь потерять своё величие. Обеспечивая присутствие лжи отношением к окружающим. Зарождаешь в своём существе субъект конфликта собственной претензией.

Но если ты понимаешь знаки, умеешь видеть и чувствовать их, не заслоняясь грубостью, начнёшь опускаться, возводя происходящее в творческий процесс, ты поймёшь: пространство начнет выдергивать тебя из мыслей о том, чтобы «стать выше». Термин, который каждый откроет за словом «опущение»? Сама действительность может сложить такой феномен унижением, если не успеть вовремя ориентироваться и отпустить значения, отрицающие погружение, прежде чем начнётся прилив жалости, гнева и злости. Разочарование начнёт искать виновного в случившейся несправедливости.

Этот процесс не зависит от понимания. Нужно лишь поймать источник и отследить его. Источник состоит в реакции на собственное существо через окружающих. Он в той части реакции, которую эго не может принять, учитывая собственное представление о себе. После чего эго переходит в зависимость от жалости к себе, затеяв обиду, всегда ища опору в каком-либо превосходстве лишь для подтверждения домыслов о величии субъекта. Сам субъект перестаёт действовать, не находя положительных реакций на своё мнение об окружении. Эго начинает протестовать или восставать против пространства. Запирая любые мысли о возможности правды о своём положении, перебирая доказательства ничтожности мира.

Так, овладев субъектом, укоренив вымышленный мир и создав нового субъекта, эго уходит на границу отрицания любой системы восприятия эмпатией. Напившись жалостью к себе — знакомой каждому проекцией на окружающих, субъект стремится выказать её в реальности, придя в состояние маргинала. В этом положении человек живёт, определяясь тем, что разливают обиду за несовершенство системы, свершившееся в нём самом. Определив порядок своей действительности, он пытается свалить всё на окружающих. Процесс запущен; такого человека ждёт втягивание в круговорот общения под искажённым углом морали. Добро становится подношением, любовь — насилием требований окружающих. Единственное, что такой человек может принять, — неоднородное сочувствие, нечто вроде сердечного или лукавого сожаления. Он слышит лишь конкретную, выраженную словами или жестами жалость к себе. Больше он не знает любви Бога, больше не слышит Мир.

Выход только один: в самом начале, там, где нужно увидеть отражение первичных проявлений ощущения жалости. И не важно, где ты оказался. Всегда остаётся возможность взять себя в руки. Начать с принятия имеющейся в себе жалости. Распознать её как осознание собственного уровня. А это — первый и важный шаг на пути отсложения эго, отстранения от собственной сущности.

Когда-то придя к этому феномену и лицезрев себя в жалости с полным осознанием, я совершил попытку выразить то, что решил изложить в тексте. Я начал понимать, что где-то заблуждался и упускал важное. И теперь я знаю: оказавшись снова в самом начале, в ту минуту, когда был занят размышлениями о сути практики, явственно ощутил, хоть и едва заметное, но быстро растающее чувство неприязни к окружающим.

— Я так много жду от практикующих, — говорю себе, глядя на гору грязной посуды. — Жду какого-то молниеносного исцеления. Жду невозможного... От себя самого?!

Но вместе с тем я начинаю искать причину собственной несбыточности. Оказывается, я прикладывал свои высокие идеи не к себе, а к окружающим. Столкнувшись с бытом, который невозможно решить в одночасье, я разочаровался в практике. Быт стал фундаментом этого разочарования. Видимо, проблема кроется в отсутствии понимания тонкости настройки восприятия каждым человеком общего пространства.

Этой настройкой, видимо, и является мой взгляд, стоящего у ограждения субъекта, отрезанного от реальности своим собственным разумом, тем ранним утром.

— «Всё хорошо», — повторяю я мантру покоя.

Но следующая секунда стирает её. На смену приходит сухое, укоризненное наставление «Кота»: *«Разберись с собой, потом лезь к людям»*.

Конечно, на фоне хаоса кухни, где все мои усилия по порядку размываются потоком людей, эта избитая аксиома кажется укором Ложному-Я лишь номинально. Но она заставляет меня чувствовать себя ведомым: будто меня лишают права жаловаться, навязывая жалость к самому себе и идеализацию внешнего мира, которого здесь нет. Так это правило удерживает меня за гранью соавторства той реальности, которая мне нужна прямо сейчас. Оно заставляет меня прятать претензии, зная их источник — своё эго.

— Но та аксиома предлагает просто молчать? — спрашиваю я.

— В том высказывании скрыт защитный механизм эго, оберегающий тебя от вторжения невежества с поучениями. Если так, то да, ответом должно быть молчание.

— Но сейчас это не молчание! — возразил внутренний голос. — Это опыт участия. Чтобы стать собой, нужно разобраться не только с внутренним миром, но и с тем, что происходит вокруг. Уравновесить личное с внешним фоном.

— Тогда как быть, если «Чеширский Кот» предлагает просто «Быть собой», не объясняя, кто я?

— Призыв «Кота» сегодня звучит как демонстрация. Показать обществу часть своей сути через действие. Персонализировать себя значением: «Какой есть — такой и есть». Но рискуешь опереться на ложный мир. Это попытка вывернуть старую схему наизнанку: демонстрировать мир внутри себя, ради разворачивания реакции.

— С целью наблюдения себя в зеркале реакций общества?

— Было бы смело. Правдиво. Опытно. Но нет. Это та же попытка решить свою внутреннюю неустойчивость, прислонившись к миру спиной. В таком случае развитие личности прекращается.

— И правда, так, впав в обречённость небрежностью, человек посмеивается над вкладом угнетающей системы. Он становится её продолжением, а не частью. Призирая тех, с кем не построил отношений, он становится ниже своего потенциала.

Но быть собой — значит быть каким? Хорошим? Злым? Тёплым? Холодным? Есть этот субъект или его нет?

Действительно выходит, что перестает быть важным сам факт твоего существования («кто ты»). Важным становится определение **«как ты»**: как ты постигаешь дело, являя способность того истинного, кто ты есть на самом деле.

Кто есть тот, кто есть ты?

«Быть собой» — в каком времени?

«Всегда ли нужен конфликт со средой для определения её сущности в себе?»

— Нет, я считаю такой подход неэффективным в реальности. Никакой конфликт не может быть Истиной; он способен быть лишь её частью — примером воздействия личным дей-

ствием через себя на среду. Поскольку конфликт всегда остаётся конфликтом. Он показывает наличие проблемы, но не является способом её решить. Это лишь попытка переложить ответственность за неё на кого-то другого, зачастую даже не касаясь сути дела. Подобная методика проявления себя — это суррогат действия. А суррогат действия, в свою очередь, — суррогат творчества.

Мы живём в эпоху института искусства, который вырождается в феномен, подменяющий само понятие творчества. То, что сегодня принимают за творчество, по сути, является провокацией — обесцениванием подлинного акта созидания. Сегодняшний «творец» близок лишь апологетам этой системы, присвоившей себе слово «творчество». Они бесповоротно и беспамятно разбрасываются этим понятием, пытаясь прикрыть им бессмысленность собственного существования. И хотя подобное «творческое забвение» исходит от институции или существует лишь для её унификации, оно всё реже выражается в объекте творчества самой Личностью. Для субъекта сегодняшнего дня это просто звук, знак. Скорее, это элемент антитворческий. Это извращение, когда человек искажает смысл собственной попытки найти выражение через искусственное. Он начинает определять себя через отношение к предмету, реакции или даже не через уровень самого субъекта, а через уровень Вещи. Это уже совсем другая стадия искажения — падение субъекта до оценки своей состоятельности через успех Вещи. Что, по сути, и есть определение «искусства» сегодня.

Но тогда, скажи мне: «Где сейчас находится тот самый необходимый элемент Творца в моменте?»; «Что есть истинное Творчество?»; «Кто этот Творец, позволяющий не ввергать процессы в износ, а выводить их из него, не прибегая к конфликту?»

Как начать быть тем, кто ставит перед собой задачу наладить жизнь так, чтобы никто не изнашивался от общей заботы, выраженной в личном стремлении каждого?

Ответ прост. Он находится в каждом из нас. В том, кем мы приходимся друг другу. Это способность получать поддержку, интегрировать её в свой навык и проявлять действием в деле сотворения жизни. Жить ради общего будущего, не вступая в конфликт с общим. Такой человек всегда проживает настоящее, разбирая смысл своего нахождения в нём. Он и есть Творец. Так открывается идеал Творчества человеком, создающим уровни истинного искусства, выступая проводником к Личности. Утилитарно фиксируя своё развитие в побочном эффекте, называемом искусством. Искусство всегда рождается из истинного Творчества, после чего Личность закономерно отбрасывает его. Само же искусство смысла никакого не имеет и не несёт в себе ничего без Личности. Понимаешь?

Вот этот момент, требующий конкретного действия, начал влиять на меня с самых первых шагов этой инициации. Заставил определиться с тем, кем я являюсь в процессе перехода на новый уровень истинного Творчества, который я хочу разрешить наглядно — здесь и сейчас, с твоей помощью.

Начать с того места, где я хочу обнаружить причину разногласий между социальными персонажами, вместо того чтобы продолжать тереться об них и изнашиваться. Потому что теперь я знаю точно: решение любой социальной ситуации никогда не лежит целиком на ком-то одном. Даже если в сложившемся, как будто бы, виноват и страдает только один человек.

Так вот, возвращаясь к моему другу, хочу продолжить знакомство с ним. Это уже не просто отвлечение — отвлечения неразрывно связаны с сутью того места, где я нахожусь: медитационного центра, самой практики и человека по имени Аский. Я заметил, что каждый его приход оставляет во мне изменения. Когда он приезжал ко мне домой из Сочи или отправлялся обратно в центр, после нашего расставания на меня действовало легкое благоговение, менялась психофизическая картина мира.

Это ощущалось явственно. Но исходило ли оно от приятного послевкусия общения? Не только. Мы могли говорить обо всем и ни о чем: житейские темы, старые воспоминания, прогулки по городу. И при этом мы никогда практически не касались мест, откуда он приезжал и куда ехал. Сейчас мне хочется передать ощущение от чего-то большем — от того присутствия, которое дарует покой и надежду на то, что все мы едины.

Со временем бессловесные ощущения перерастали в идеи. Ум наполнялся рассуждениями, а меня тянуло действовать. В этом кроется истинный смысл практики: она не просто вызывает желание «чего-то большего» для личного комфорта, но передает ту энергию осознанности, которая питает душу. Она говорит без слов. Для этого нужно лишь быть готовым слышать тело через разум. Оказалось, я был готов. Здесь нет мистики, речь об опыте и желании жить сознательно.

Я вышел из системы вины и безнадежной ущербности перед миром. Мне хотелось ощутить прощение и настоящую любовь. Приняв всё родное внутри себя, без техник и иллюзий, я опирался на пример земного Учителя истины, чье имя означает Любовь. Я не назову его имя сейчас — слишком много огня в слове, вызывающем отрицание. Но суть в том, что мой рассказ не о чудесах и не о Личности Учителя, а о дисциплине души, о порядках, установленных Им.

Именно пройдя через веру в Его любовь, я пришел к практике и мог рассказать тебе о своем друге Аските — как о доказательстве веры в лучшее в нас самих. Об этом я сейчас размышляю, стоя над мойкой и стирая посуду: о преобразении субъекта в личность, личности в индивидуума, а индивидуума — в Человека. Я не просто думаю об этом, я постигаю это в моменте, глядя на своего товарища по труду, стоящего в двух шагах. И мне не жаль того, что случилось сейчас — об этом я расскажу ниже. «Вэжжэжууухх» — шум воды и посуды становится фоном моих мыслей.

Забегая вперед, уточню контекст: практика здесь — лишь дополнение к Творцу, растущему внутри нас, но не панацея от невежды. Временное блаженство — это лишь отражение естества любви в душе. Человек хочет прийти к тому, Кто есть Сам Любовь, а не к технике ради кайфа или полетов сознания. Не так ли? Говоря о труде, я имею в виду не жертву, а смирение.

— О той вселенной, о которой идет речь, — говорю я, обращаясь к процессу выстраивания отношений у этой мойки. — Как нам начать творить заново? С новой основой?

— Такой же новой, как само время! — отвечаю я себе. Эта основа проста: чуткое и внимательное отношение к соседу. Это и есть элемент новой творческой природы индивида — забота действием. Мы пытаемся удержать основу нравственности, освобождаясь от ложной жалости к себе. Созерцая покой системы внутри, мы обретаем гармонию снаружи. Речь о том, как мы реагируем друг на друга в начале пути, пока еще толком не зная, кто есть кто.

— А когда узнали истину каждого?

— Вот вопрос сегодняшнего Творчества. Способна ли реакция завершиться положительно, вне зависимости от удобства для Эго. В такой мере уровень Творца и диктует наш поступок.

Насколько система способна перестроиться так, чтобы каждый оставался в равновесии? Чтобы мы, своими невежественными действиями, не раскачивали её до состояния негатива. Но боюсь предположить: чем сложнее первичная неприязнь к миру, взращенная ленью души, тем труднее субъекту удерживать свой покой. Стоит лишь отказаться от приветствия действительности — как виновный тут же определен заочно.

Предъявить претензии к собственной недостаточности труднее, чем обвинить внешний мир. Воображение быстро достраивает образ врага: Социум, Правительство, Родители, Друзья, Школа или даже резиновые сапоги. Ведь сложно представить сам себя в конфликте с самим

собой, до момента знакомства. Нам проще создать конфликтную ситуацию и обвинить кого-то в тупости или некомпетентности, чем решать её сообща, начиная с самого себя.

Попробуем сделать это здесь и сейчас. Помнить то чувство, которое пронизывало меня утром у периметра центра, перед восходом. Чувство участия в общем, способность увидеть и понять, не упустить детали. До поры, пока не встретишь нечто новое, а значит — «чужое». То, что может изменить поток мыслей ударом боли и разрушить идеал самопрезентации.

Новое приносит тревогу, превращая прекрасное утро в пасмурный день. Насколько глубоко эта новая реальность завладела тобой? Но находясь в ней, нельзя сопротивляться или отрицать себя. Нужно пробовать вращать ситуацию, сопоставляя весь свой опыт с тем, что начало проявляться после удара.

— Скажи, но есть ли в описанном нечто такое, чего не мог бы повторить никто другой, кто не связан с випассаной?

Нет? Верно!

Но суть не в том, мог бы кто-то это повторить или нет. Суть в том, понимаешь ли ты, *для чего* всё это делается, почему это важно и *как* именно это следует делать? Ведь лишь сейчас я начинаю лучше осознавать, как практика работает, чего она требует и как проявляется в действии: это сознательное действие, вытекающее из реальности каждого момента. Иными словами, это и есть её плод.

В дальнейшем повествовании я надеюсь, ты затронешь те аспекты бытия, которые интересуют меня лично. Практика наблюдения помогла мне выявить своё отношение к общему, пока я был внутри этого центра. Мне хочется сместить фокус темы на организацию процессов: рассказать об эго, взаимном уважении и внимании, перерастающем в заботу, основанную на эмпатии. О том, как это выглядит в реальных условиях и почему випассана не искореняет хамство и невежество, а лишь учит не реагировать на них так, будто они пришли извне. Всё это — не по волшебному мановению, а вследствие конкретного восприятия действительности.

— О чём же собственно речь?

Главная алхимия — превращение застывших убеждений в осознанное действие наилучшим образом происходит там, где скапливаются люди и бурлят процессы. Особенно ярко собственные субъекту реакции проявляются там, где есть дифференциация задач — ступенчатая структура, идущая от «почётных» занятий до самых неприятных. Проще говоря, там, где есть любая система позиций, объединённых общим делом. Именно в таких структурах, под влиянием обязанностей, человек начинает проявлять своё истинное «я», часто стараясь укрыться за безразличием к тому, что от него не зависит. Кухня в данном случае — то самое место, где мы и находимся.

Итак, вот история готовности понять, принять новое и проникнуть в сферу данного центра уже во второй раз, через год после первого пребывания. Место это, в узких кругах исследователей достаточно известное, и сама практика популярна по всему миру: небольшие центры, где каждый может прийти, пройти онлайн-регистрацию и погрузиться в опыт. Я буду рассуждать об устройстве этого места, о его уникальной среде как прототипе общества будущего, на протяжении всего повествования.

Так, где же я сейчас нахожусь? Что я делаю? Мою посуду. Зачем? Я служу на новом курсе, куда приехали студенты на десять дней. Данное служение — часть моей практики. Я здесь не только для того, чтобы укорениться в технике медитации, но и чтобы пронаблюдать её действие на социальном плане... Поставив себе безусловную цель: находиться здесь с экспериментом наблюдения за собственным существом в действии.

Множество мыслей проносит в голове ум во время однотонной работы. Некий бессознательный антипод осознанности. «Вж-жж... разбился стакан. Вж-жж... разбилась тарелка». Меня порой брал парадоксальный страх, особенно в первые дни, глядя, как мой напарник вдруг начинает ускоряться, словно вспомнив, что куда-то спешит. Но куда ему спешить? Завершить работу ради чего? Дело не в этом. И мне некогда смотреть на него — я чувствую, что *что-то* резко пошло не так. Волны от него уже не гладкие, пейзаж становится враждебным, очертания рыхлыми, пенясь тьмой в глубине перспективы.

«Почему портится погода?» — Выход из осознанности и потеря контроля над эмоциями. Порывом множество сегментарных чувств накрывает *меня* всех своим существом, подобно шторму извне. Я представляю собой ничтожную точку, вглядывающуюся в бушующее море. Приятный шёпот дня сменяется скрежетом мглы: рвущимися наружу обидными домыслами и желаниями расквитаться. Это происходит резко, как мутная вода снизу. Она торопит, напирает со всех сторон, заставляет гнаться за тысячей прыгающих мыслей.

Ты сам, понимая своё положение, послушно следуешь потоку, закручиваясь в этот водоворот собственной эмоциональной депрессии. Сознание шарит по углам в поисках прогалин без мути, пытаюсь нащупать причину, чтобы найти хоть кого-то виноватым — и объявить состояние личной неприязни ко всему вообще. Перебрав варианты и не найдя опоры, теряешь осознанность. Кричишь: «Где?! За что?! Кто вжж-жж...»? В этот момент происходит движение, летит тарелка из-за агрессивного жеста, олицетворяющего знакомое: «Да пошло оно всё!».

— Несколько патетично, преамбула?

— Возможно. Но мы обязательно проявим её в своём месте и времени. Закрепим этот контекст значения «Удар». Сейчас кажется, что нет веских причин для такого напряжения, лишь последующее рассуждение стоящего за ним. Но мы собираем энергию и смыслы, чтобы позже олицетворить настоящее действие. Так что, с твоего позволения, продолжим.

Ежесекундный спор всегда приходил к одному выводу: основой успеха любой практики должно быть личное желание *коллективного покоя*. Покоя, строящегося не на желании выделиться знаниями сложных терминов и поз, чтобы «успокоить» других, принизив их, и выставить себя знатоком. Лишь подкрепляя сказанное авторитетом личности, которая не испытала истину на себе.

— Таким образом поступая, мы лишь лишаем истины авторитета.

— Подобным полудействием?

— Да. Так мы игнорируем смысл самого действия слов личными качествами. Подвигнешь ли ты в умении смотреть, видеть и чувствовать, принимая откровенные моменты истины? Или созерцаешь её лишь отдалённо? Пока едва ли мы создаём проекцию истиной себя. Всё ещё пользуемся заимствованной истиной, не открывая своей. Мы просто произносим её, считая произнесение равным проявлению.

В зоне нашей занятости с Миидом возникла спорная точка — зона сгущения облаков безответственностью в понятии заботы и участия. Местом возникновения стала *не моющая машина*, а стол. Кроме двух рабочих зон у нас был общий стол, куда сносили всю грязную посуду после готовки. Он стал точкой, вобравшей в себя ответственность за наше самочувствие перед всеми.

Прошло несколько дней, прежде чем мы обратили внимание на непроходящий беспорядок. Мы с Миидом пробовали разрешить проблему своими силами, но впустую: упорядочить структуру, напоминавшую диорому разбомбленного города руиниста, было невозможно в оди-

ночку. Каждый предмет надо было ставить осознанно, думая о том, будет ли удобно следующему. Но предметы сваливались хаотично, словно на транспортной ленте утилизации.

И снова, заходя на кухню, хотелось думать: как сделать так, чтобы нам было комфортно? Чтобы, взяв предмет со стола, мы не разби́ли ни одной тарелки и не замедляли темп. Как наполнить процесс синхроничностью, наблюдаемой нами и окружающими?

— Звучит как сон.

— Да, это он и есть. Только сейчас мы в нём. И пора туда, где можно увидеть отсутствие той самой необходимой осознанности, явившейся в этой миниатюрной обстановке.

— Что же помешало превратить этот сон в явь?

— Неосознанность окружающих. Всё было словно намазано коллективным «снотворным», которое не давало никому пробудиться и увидеть, как вокруг выстраивается новый мир.

И вот это самое снотворное — мое вселившееся ожидание мгновенного результата от практики — начало душить разочарованием. Снаружи ничего не изменилось: всё оставалось таким же унылым, скучным и равнодушным. Это чуть не пошатнуло мою веру: разве можно ждать улучшения, если практика не даёт немедленного чуда для общего блага? Как получить нечто стоящее взамен хаоса и невнимательности, сродни новым правилам игры?

Мне вспомнилось высказывание друга Аского, которое он однажды произнёс, видимо, будучи увлечённым собственным тонким невежеством: *«Суперсила даёт нам шанс иногда всплывать!»*.

«Суперсила даст нам шанс!» — эхом отозвалось в памяти.

Но теперь, когда от участников пространства действительно требовалась та самая «суперсила» практики наблюдения, я начал ощущать пустоту. Мне не хватало не столько техник, сколько личности, к которой можно было бы обратиться. Возможно, самой Личности пока не хватает жизненного опыта применения этой практики? Да, но личность проявляется слабо именно там, где должна раскрываться суть нового отношения к миру.

— И возможно, мы стали субъектами лишь потому, что не способны на объективное взаимодействие с пространством? В отличие от Индивида?

— Вероятнее всего, да. Индивид и есть тот недостающий инструмент развития социума, на который указывает практика своими новыми свойствами.

— Получается, этот возникающий сегодня новый взгляд и есть элемент уже объективной реальности?

— На мой взгляд, всё так. Этот новый взгляд — наш главный инструмент построения новой общей жизни.

— Но давайте разберёмся с практикой как с инструментом образования себя. Если это доступно каждому, почему результат бывает другим?

— Например, временные ощущения от медитации — это не главный плод практики. Если сместить фокус на качество собственного существа, то само время начинает впитывать эту новую характеристику. Характерность нашего бытия меняется, требуя иного выражения в Личности.

— То есть мы становимся в ногу со временем?

— Если мы понимаем практику как способ *выйти* в шаг со временем. Но стоит воспринимать её просто как метод убежать от времени (как бы ни выглядела эта проекция), как субъект выпадает из процесса и становится вредным для нового. Он падает в безвременье, за гранью любого творчества.

— Значит, он не связан с творчеством?

— Дело даже не в связи. Пространство не может долго удерживать в себе элементы, которые не содержат и не отражают его самого. Субъект — всего лишь статичный наполнитель пространства, застрявший в постоянстве времени. Не осознавая этого критерия развития, субъект теряет способность действовать. А недействующий человек не может быть по-настоящему счастлив.

— В массе получается тормоз? Застой или метафора упадка?

— Он составляет то самое безвременье. Хотя, конечно, глобального упадка нет — есть лишь замедление движения. Правда, сегодня наше движение кажется стремительным лишь благодаря искусственному ускорению институционального искусства и технократии. Это метафора «костыля времени», ширма, прикрывающая истинную проблему антиразвития. Под капотом происходит обесценивание личности и тотальная субъективизация пространства технологиями. Рано или поздно это приведёт к полной остановке нас самих со временем. Если не начать действовать.

— Действовать — значит начать двигаться со временем вместе. Это выражается в личном стремлении развить новое в себе как личность, создав свой собственный центр сборки. Определив этот центр, мы становимся примером для себя в качествах Идеала.

Тогда как то самое статическое время, рождаемое творчеством человека, стремящегося к Идеалу, для субъекта проявляется лишь как искусственный артефакт или «технология в руке». Подхватывая эту технологию «Институции Искусства», субъект гонится за славой и успехом. Это подобие подражания, которое не является истиной в руках субъекта — это всего лишь побочный продукт действия, свершённого над реальностью самой Личностью. За этим следом субъект волочится уже какое-то время, не умея понять смысла.

Смысл же артефакта искусства состоит вовсе не в нём самом. Он нужен лишь для того, чтобы привести субъекта к познавшему, отбросившему этот искусственный предмет. Просветлённый переходит на другой план, оставляя нам приманку через своё искусство. Этот след развития Творца фиксируется для нас лишь уходящим временем, оставаясь мифом. Пока что единственное, чему способен подражать субъект, — это сам оставаться субъектом.

Но благодаря назиданию таких технологий, как «Институция Искусства», возникает ложное направление: подражание должно быть направлено именно на артефакт. И это создание возможно сегодня только самим субъектом, что заключает его в противоречие с законом саморазвития до настоящей сичности. Так исключается возможность подлинного роста.

Искусство ради искусства, технология ради технологии — это способ самовыражения Субъекта, определяющего свою замкнутость в развитии.

Подражая искусству сегодня, мы создаём целую Индустрию и Институцию Искусства, спекулирующую на его свойствах. Но искусство и эта институция — вещи разные в системе

нравственности, выражающей качественные характеристики личности. Всё равно это попытки субъекта найти точки сопряжения с новым качеством творца внутри себя. Производство искусства — это собственные попытки субъекта прикоснуться к прекрасному. Но всегда в прошедшем времени по отношению к самому Человеку-Творцу, оставившему свой след как напоминание.

И только когда Субъект переходит в категорию Индивида, научившись понимать смысл возникновения предмета искусства, он перестаёт быть статичным. Он начинает следовать времени. Значит, он развивает в себе стремление действовать: уже не просто подражая ему в качествах Человека, но являя его время своим собственным инструментом Личности.

Стремление жить в таком выражении — вот характеристика индивида. Такой уже сам становится инструментом времени, укореняясь в нём предтечей Творца собственной действительности. Пока лишь определяясь в качествах Человека, обретая чувство эмпатии.

— С этого начинается осознание себя в реальности? — Определение в качествах нового Идеала?

— Именно так. Новый прозревающий начинает устремление не к Искусству, отождествляя себя с ним, а к истинным качествам Человека — создающего и меняющегося времени. Возводя себя с Ним, становясь творчеством Его руками.

Всё многозначное определение, ведущее нас от субъекта к индивиду, а затем к Человеку для свершения временем, определено в качествах идеала — если он присутствует в новой реальности. Восхождение, необходимость улучшения личных качеств в отношении с общим — вот та самая творческая основа, которую выставляет идеал для деятельности индивида. Через неё меняются собственные свойства отражения, скреплённые самой жизнью.

— Значит, такой идеал уже существует реально!

— Да. Не ради собственных ощущений, а живя взирая на время — не просто для существования, но ради сосуществования и осуществления. Наполняясь ощущениями от сотворчества с общим, отражаясь в нём самом. Не наоборот, как делает субъект, определяясь лишь желанием нового ощущения.

Если мы снова коснулись темы субъекта, то, следуя логике повествования, возвращаемся к практике. Пока этот «горе-прозревающий» находится в закрытом состоянии, живя ради своих ощущений, он будет неизбежно отдаляться от истинного нового опыта. Ощущения от практики — это лишь временное утешение.

Характеристика такого отношения к миру жестко ограничена рамками самой сессии медитации. Как только процесс завершается, человек остаётся снаружи, пытаясь натянуть эти переживания на жизнь. Он борется за то, чтобы *казаться* новым через призму этих ощущений, а не отражать себя новизной непосредственно в пространстве действий.

— То есть оставаться на уровне попыток соответствовать новому времени? — Я именно это и фиксирую.

Но главная проблема развития для самого субъекта сегодня заключается в том, что эпоха подражания искусству завершилась. Время более не позволяет жить в старых категориях — оно «выровнялось» и определяется исключительно настоящим.

Просто казаться теперь невозможно. Присваивать чужие идеи, копировать знания без вложения своей личности — равносильно выставлению подделки под оригинал.

— Как и в искусстве?

— Да. Несведущий, искажая истину своим желанием казаться, становится самой этой подделкой. Он распространяет заблуждение, выдавая чужие истины за свои. Человек мечется, порицая отсутствующие качества в других, сам ещё не обрета их. Любой протест без реального внутреннего содержания — это заблуждение. Субъект всегда стремится занять место в иерархии, которое ему пока не принадлежит.

Он пытается приблизиться к сути искусства не через развитие личности, а гонясь за иллюзией могущества и успеха. И пусть само время частично предваряет изменения внутри субъекта (послушание, аскеза), но сегодня этого мало. Чтобы двигаться с новым временем, нужен не внешний модификатор состояния, а инструмент, который сам человек и есть — развивающий в себе личность через воспитание настоящего человека.

Такой формирующий себя в среде индивид уже не декламирует истину во главе с чужим, ушедшим искусством. Он входит в жизнь, отражая её тем, кем является.

— Но разве это не новая творческая категория? Воплощающаяся теперь совсем иначе!

— Безусловно. Это творческо-сотворческая работа внутри себя при полном контакте со средой.

— Значит, индивид — это характеристика, которая выражает новую способность быть в пространстве времени?

— Именно так. Более того, индивид, определив свой элемент и соотнося себя с центром собственной сборки, становится недоступным для эго в контексте ложной действительности. Вернуться в категорию субъекта, созидающего вокруг себя хаос, будет совершенно неприемлемо.

— Похоже, именно так это и есть.

— **Индивид** есть инструмент (а возможно, и само орудие добра), которым сейчас проявляется Творец, возводимый собственным стремлением в Абсолют. А значит, устремлен достичь соответствия правде. Он оглашает истину отождествлением идеала и своим бытием, максимальной любовью своего существования. Что, кстати, и есть само определение **индивида** — пока еще будущего человека.

Именно поэтому подобный инструмент, какой представляет собой практика випассаны, должен служить лишь сопутствующим элементом развития. Его цель — помочь установить внутренний стержень, подготовить индивидуальность к поиску и утверждению того самого «центра сборки». Лишь определив его, мы позволяем **субъекту** воспитывать в себе среду будущего человека, постигая жизнь во всем ее творчестве. Да, это потребует сил и времени, но разве желание изучать что-то полезное требует меньших затрат?

— И выходит, что все это должно проявиться в реальности как новая вовлеченность в круг новой ответственности?

— Именно. Ответственность здесь — это осознанность, проявленная действием. Широта этого круга определяется пределами того, что вверено творческому видению **индивида**. Это намерение всегда остается в границах реальной возможности что-либо изменить, исходя из нравственной воспитанности в отношениях с реальностью.

Теперь этот круг начинает естественно расширяться благодаря развитию — мы учимся видеть шире и воспринимать тоньше. Уровень ответственности всегда соответствует творческому запросу и потенциалу **индивида**, однако базовая нравственная ответственность суще-

ствуется всегда. Неважно, понимаешь ты свой реальный круг влияния или игнорируешь его в аспекте общего творчества; моральный долг перед другими остается неизменным.

Такое осознание уже само по себе становится целью — выравнивать настроение и действия ради общего процесса. Эта ответственность реальна и никогда не вредит твоим прямым обязанностям, будь то профессия или служба. Но если она уходит в сторону, становясь вторичной, это наносит ущерб развитию личности и убивает способность к настоящему творчеству.

— И тут, как я понял, само занятие в жизни перестает иметь значение?

— Так же, как и социальное положение, и любые другие факторы, касающиеся социальной оценки, пытающейся расставить людей по классам.

— Само время выравнило всех?

— Сегодня любая искусственная специфика определения ничего не стоит с точки зрения качества человека.

— Значит, это не является для него критерием? Поскольку погоня за социальным положением без учета специфики нового времени совершенно второстепенна?

— Да, нас настала эпоха чистого творчества!

— Получается, первостепенен факт личного отражения?

— Всё так! Отражение — главный фактор достижения. То, о чем мы говорим как о росте, связано с элементами творчества самонаблюдения, настроенного через пространство и его зеркало. Теперь мы присутствуем там, где пространство отражает нам наши собственные негативные черты и недоработки через образы в действии других людей. Так жизнь дарит нам возможность расти до уровня материальной истины нашего духовного плана. Или разрушать себя, игнорируя эту истину.

— Слышишь? Вот оно: ты уже там, где внимание обращено к правде — к тем деталям, которые вызывают у тебя отрицательную реакцию.

Теперь быть собой — значит не оказываться в месте, несоответствующем твоей проекции. Или, находясь вне круга своей ответственности, не пытаться разобраться в себе через навязанные значения.

Положение этой «лжи с истиной» меняется, когда меняется твое отношение к вещам, встречающимся на пути. Здесь важна широта восхождения по уровню освоения себя. Есть черта характера, которую необходимо исправить, приняв ее в себе, но не отвергая и не вступая в прямое противостояние.

Это означает отсутствие внутреннего противоречия. Оставаясь собой, находясь в устойчивом положении — ровно стоя и глядя на то, что видишь перед собой, — ты можешь действовать осознанно.

Единственно верное обращение здесь направлено не вовне, а внутрь. Оно останавливает любую претензию вопросом: «Почему я это вижу или чувствую?» Сопоставляя совершённое с тем, что возникло сейчас, через взгляд из прошлого, ты понимаешь, как именно следует относиться к происходящему.

Мир каждого является зеркалом его собственного достоинства, скрытым за ложью. И каким бы великолепным ни считал себя тот, кто слышит лишь эту ложь, он будет вечно непонимать проблемы личности. Субъект априори отрицает ориентир, выраженный во внешних проявлениях, считая их чуждыми собственному величию. Определяя своё достоинство через эго, он требует смирения от окружающих и удовлетворения своих желаний, порождая негативную реакцию ответным ударом.

— Получается, эго конфликтует само с собой? Проблема в отрицании, но чего именно?

— Подобное происходит сплошь и рядом. Там, где действительность якобы притесняет твой «талант» — придуманный тобой образ достойного человека, — ты выступаешь как субъект

ект, существующий в рамках своего воображаемого величия. Сегодня каждый выстраивает отношения с пространством исходя из претензии: несогласия с мнимым собой или с кем-то другим. Часто мы принимаем свою ущербность за умысел мира. Но в финале мы предъявляем лишь то мнение о себе, которое поставило нас выше обыденности.

Однако бесталанность часто маскируется под способностью! Но почему-то каждый такой «поднявшийся» забывает простую формулу перехода в новый этап творения: его составляющая способности есть способность каждого, просто дополненная временем. А значит, это обязанность стать ответственным перед обязательством развиваться сообща, поднимаясь по спирали вверх. Результат этого процесса — однородные ощущения радости осознания блага, даруемого присутствием каждого участника.

— То есть благо не обретается там, где общий процесс жизни заканчивается неоднородно? Где, например, никто не чувствует радости от участия в общем деле — иначе чем при единоличном успехе?

— Похоже, что так. Это и есть само настроение жизни. Речь уже не об искусственных процессах самовыражения навыками, которые лишь раздувают хвалу эго. В новом контексте желание успеха и славы больше не рассматривается как повод к достижению. Ведь такая выгода обусловлена косностью в эмпатии, что свойственно лишь псевдоличности, чья суть ограничена присвоением искусственных навыков.

Как только такие критерии отходят на второй план, истинные процессы творения становятся важны. Разум больше не может подменить их вымыслом достоинства. Это состояние полного отождествления с искусственным предметом обременяет ложным самоопределением: человек принимает свободу за необходимость подражать чему-то, становясь тем, кем хочет казаться, лишь для собственного воображения.

— Я понимаю степень этого отрицания и его влияние на социум. Но позволь добавить бытовую оболочку к этой идее. Например, проявление искажения в нашей практике на кухне: если где-то происходит «перегрев», когда ты замыкаешься в круг собственных интересов и вымышленных обязанностей, не беря реальных обязательств...

— Продолжай, это важный переход.

— Так происходит отождествление с ложным в процессе жизни. Мы бросаем процесс, выстраивая который мы никогда не прекращаем, даже если думаем, что не участвуем в нём. Запираясь в мнимой обязанности, мы перестаем обращать взгляд на то, что происходит вокруг. Делая что-то лишь исходя из личной выгоды, не соприкасаясь с общим делом, мы искажаем весь жизненный процесс. Элементы начинают перегреваться экзистенциальным дискомфортом. Так выглядит жизнь на мойке сегодня — процесс, в котором мы упустили контроль, потому что находились в субъективной резонности, вотчине лжи. Выражаясь потерей качества жизни для всего живого.

— А это на секундочку, единственное из того, на что нам суждено влиять своим творчеством.

И означает всё вышесказанное для начатого нами примерно следующее: сначала любого конфликта идёт личный дискомфорт от ощущений личного прикосновения через ложный контакт с пространством. Такие ощущения переходят в реакцию и порождают отражение, воспринимаемое как негативные проявления жизни. Это усугубляет отношение к ней, порождает конфликт с ней. А уже потом, на фоне этого порождённого конфликта, строится противодействие, разрушающее живое в субъекте. Так субъект, укореняясь в начале пути, зачинает внешнюю вражду — борьбу с внешним миром.

Для него наступает потеря социального качества. Как следствие, ослабление интереса к процессу определения себя для множества в значении «Мы». Происходит нечто, купирован-

ное самой сущностью, невозможность обретения качеств личности без прохождения порога преломления ЭГО. И наступает последнее — рождение изгоя. Что впоследствии приводит к стереотипам субъекта относительно самой жизни и её устройства справедливости, особенно через призму честности.

— Такой нечестен?

— Это тебе, по правде говоря, самому решать, посмотрев на себя в отражении...

Ну а сейчас, пожалуй, общаюсь с тем, кто теперь всегда возникает, проявляясь внутренним взором. Надеюсь, и во время твоих медитаций. А если нет — представь: сейчас внутри тебя, словно в огромном поле, находится маленький субъект. И он почему-то кричит. Если отлететь от него так, чтобы он стал точкой, ничего не слышно. Но если притянуть его вплотную, чтобы различать в деталях то, во что он одет, — ты услышишь, как он орёт:

— Этот кто-то спрашивает тебя: где тот пресловутый процесс наблюдения? В чём он есть? В чём должны выражаться процессы, определяемые данной практикой в действительности? Где принципы, переведённые в смыслы, применимые в жизнь действием?

Если эти смыслы всё же есть, как применять их в жизни? Как всё это работает? Как всё это можно почувствовать, увидеть, ощутить, находясь теперь тут с теми, с кем ты медитируешь и проводишь часы и даже дни подряд?

Такие вопросы возникают в виде волны накатывающего или отливающего звука, то приближаясь, то удаляясь. Снова я вижу его — визуально: будто подлитая капля, приближающаяся к точке. Вдруг эта точка вырастает в моём воображении, сообщая что-то важное. Фокусируя всё моё внимание на проблеме, которая никуда не делась и не денется. Она останется тут, даже если снова отдалить точку, оставив себе тишину.

— Что ты хочешь сказать? Разве это субъект так обращается к тебе из точки?

Ты думаешь, но на мой взгляд, возвращая нас к теме повествования, может выражаться не субъект вовсе, а индивид.

— Вот видишь, и ты стал отмечать в них то самое различие. Заставляющее нас выстроить эти категории в идее просветления или преображения как пути восхождения.

И это произошло теперь, после несколько затянувшегося, но необходимого вторжения с разгадкой образа индивида и его главного отличия от субъекта. Существующего реально, как и главный спорный узел в виде вот этого стола, за которым я пишу. Поля, где должны столкнуться два отличия одного, но уже не являющегося одним и тем же. А значит, мы снова идём к тому месту, к которому следует обратиться с этими различиями, чтобы постараться не остаться в таком плачевном состоянии до конца курса.

— Так о чём говорит, почему кричит та точка — субъект-индивид в твоём воображении?

— Конечно, о том, что есть само отношение к жизни. Но суть, в чём же суть твоего, моего и нашего отношения ко всему? Пафос данной темы?! Он ничтожен! Кому-то покажется раздутым и мелочным — пусть так.

Но живя в среде, где основной смысл, как цель нахождения в ней, — это осознание деятельности человеком субъекта, можно бесконечно сталкиваться с тем, как подменяется само значение того, от чего должен отталкиваться субъект в направлении человека, особенно на первых подступах к нему.

— От чего же? Хочешь уточнить. Не от самой ли жизни и присутствия в ней с другими?

Значит ли жить — не отгораживаться в своём невежестве относительно жизни, подменяя действие суррогатом размышлений на тему жизни и своего места в ней? Сублимировать рассказы о желаемом или почитаемом в себе через подобное практике, которая в данном случае не выходит за рамки несуществующей теории об истине?

— Поскольку истину теперь обязан проявить ты, да не только о себе самом, узрев себя изнутри, но наконец — увидеть себя снаружи. Прилагая столько усердия, сколько тратил сил на добывание ощущений от какой-либо практики. Чего, кстати, во втором случае — говоря о жизни — невозможно сделать без участия в самой жизни! Присутствуя в ней лишь без конца переводить стрелки внимания на то, что есть только слова. Так отгораживаясь от мелочей, которыми скрепляется основа понятия самой жизни, являя истину её мудрости. О чём ты сам уже сказал в общем-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.